

> МАГИСТРАЛЪ >

ФОРД МЭДОКС ФОРД

Конец парада

БОЛЬШЕ НИКАКИХ ПАРАДОВ

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Ford Madox Ford
Parade's End

Перевод с английского *Ксении Карповой*

Литературный редактор *Сергей Рюмин*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Форд, Мэдокс Форд.

Ф79 **Конец парада. Больше никаких парадов / Форд Мэдокс Форд ; [перевод с английского К. Карповой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.**

ISBN 978-5-04-215892-6

«Больше никаких парадов», впервые опубликованная в 1926 году, — вторая книга тетралогии «Конец парада» английского писателя Форда Мэдокса Форда. Великая война меняет всё. В этой истории, охватывающей более десятилетия, война переворачивает с ног на голову мир привилегированного английского аристократа, офицера и джентльмена Кристофера Тидженса. Она заставляет его подвергнуть сомнению всё, что ему дорого: социальный порядок, мораль, брак и верность. Она подрывает самые основы английского общества.

Это мощная история о любви, предательстве и разочаровании во времена ужаса и смятения, написанная одним из лучших британских романистов. «Больше никаких парадов» и вся тетралогия «Конец парада» — это незабываемое исследование напряженности в обществе, противостоящем безумию и насилию.

В 2012 году по роману был снят сериал, главную роль в котором исполнил Бенедикт Камбербэтч.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-215892-6

© Карпова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Внутри, стоило переступить порог, открывалось неустроенное прямоугольное пространство, окутывающее теплом после промозглой зимней ночи и пронизанное, словно пылью, буро-оранжевым светом. Вся конструкция по форме походила на домик, вроде тех, какие обычно рисуют дети. В центре стояло ведро, наполненное раскаленными углями и накрытое листом железа в форме совка. Тусклый свет, проникавший сквозь отверстия в стенках ведра, выхватывал три фигуры в коричневых кителях с латунными пуговицами. Двое младших чинов устроились на полу у самой жаровни; еще четверо мужчин сидели парами, сгорбившись над столами в противоположных концах барака, в позах крайнего безразличия. С козырька над черным параллелограммом дверного проема то и дело капала собиравшаяся влага — звонко и ритмично, будто выстукивая мелодию. Те двое, что сидели на корточках у ведра, в мирной жизни бывшие шахтерами, завели тихий разговор на невнятном певучем диалекте, который тянулся и тянулся нескончаемым монотонным потоком безо всякого оживления, будто один рассказывал длинные истории, а второй внимал и временами рыком выражал понимание и сочувствие.

Внезапно с небес на землю словно рухнул гигантский чайный поднос, целиком заполнив повелительным грохотом черный круг горизонта. «Тах! Тах! Тах!» — отозвались бесчисленные листы железа. Через

мгновение глиняный пол батальонной канцелярии содрогнулся, воздух надавил на барабанные перепонки. По вселенной прокатился мощный раскат грома, его чудовищное эхо обрушилось на людей, сидящих внутри, кого толкая в сторону, кого пригибая к столу, и ночь заполнилась мерным, деловитым треском, напоминающим шум стремительного и неудержимого лесного пожара. Когда один из сидевших на полу пригнул голову, свет от огня скользнул по его губам, отчего те показались неправдоподобно алыми и пухлыми и при этом все продолжали и продолжали говорить.

Двое у жаровни были из валлийских шахтеров; один до службы трудился в долине реки Ронды и еще не успел обзавестись собственной семьей, а вот второй, выходец из Понтардилайса, был человеком зажиточным — его жена держала прачечную, и незадолго до начала войны он перестал спускаться в забой. Сидевшие за столом справа от входа служили старшинами; один был канадцем британского происхождения, второй — коренным англичанином из графства Суффолк, отслужившим шестнадцать лет в полку линейной пехоты и мечтавшим о скорейшей отставке. За столом в противоположном углу барака расположились офицеры в чине капитана. Тот, что помоложе, шотландец с оксфордским образованием, относился к регулярной армии. Другой, крупный, в средних летах, родом из Йоркшира, служил в добровольческом батальоне.

Одного из сидевших у жаровни посыльных одолевала жгучая злость. Командир не отпустил его домой разобраться, почему жена, продавшая прачечную, до сих пор не получила от покупателя причитавшиеся ей деньги. Мысли же его собеседника были полностью поглощены одной ненормальной черно-белой коровой голштинской породы, о которой ему написала его девушка, работавшая на ферме в горах у городка Карфилли.

Старшина-англичанин был чуть не до слез раздосадован вынужденной задержкой маршевой команды. Они не могли выступить раньше полуночи. Негоже бойцам вот так болтаться и околачиваться без дела. Ждать никто не любит, само собой. Ожидание и безделье провоцируют недовольство. Кому это понравится? И почему интендант учебной части не позаботился о своевременном пополнении запаса свечек для армейских фонарей? Бойцы не должны ждать и лодырничать. А ведь скоро их придется чем-то кормить. Интендант сам же будет ворчать. Начнет возмущаться, но распорядится, конечно, приготовить провиант. Само собой потратиться придется прилично. Две тысячи девятьсот девяносто четыре порции по полтора пенни за каждую. Но держать людей до полуночи не только без дела, но и без ужина никак нельзя. Тем более бедолаги впервые едут на фронт.

Старшина-канадец тоже был озабочен, правда, совсем по другому поводу: ему не давала покоя купленная накануне на артиллерийском складе в городе записная книжца в переплете из свиной кожи. Он с трепетом представлял, как будет вытаскивать ее на плацу, чтобы зачитать очередной доклад адъютанту — сам высокий, статный, подтянутый, да еще и с такой роскошной вещицей в руках. Но, вот беда, он никак не мог вспомнить, положил ли свое сокровище в вещмешок. При себе у него книжицы точно не было. Он ощупал правый и левый нагрудные карманы, правый и левый карманы в полах кителя, а также все карманы своей шинели, висевшей тут же на гвозде. Солдат, приставленный к нему денщиком, божился, что упаковал книжицу вместе с другими вещами, но доверия ему было мало. Вот досада! Старая записная книжка, приобретенная еще в Онтарио, порвалась и обтрепалась. Ее было неловко доставать, когда офицеры Британской империи обращались с вопросами. Это давало им ложное представление о канадских войсках как

о каких-то голодранцах. Очень досадно! А ведь он как-никак занимался аукционными торгами. Спору не было: при таком раскладе пополнение прибудет на станцию и погрузится на поезд не раньше половины второго. О чем тут говорить? Но вот пропажа новой записной книжки — это не шутки. Старшина уже нарисовал в своем воображении пленительную картину, как сразит всех, когда, вытянувшись в струнку, вытащит ее из кармана, чтобы сообщить дотошному адъютанту нужную цифру. Несомненно, теперь, когда они оказались во Франции, все адъютанты будут британскими офицерами. Какая досада!

Внезапный оглушительный грохот донес до присутствующих в канцелярии — каждому лично и всем в совокупности — нестерпимо проникновенную весть. После рвотных спазмов смерти остальные звуки казались оглушающей тишиной, терзающей уши, в которой отчетливо слышался стук собственного сердца. Молодой офицер заполошно вскочил на ноги и бросился к висевшей на гвозде португее. Его взрослый товарищ, сидевший напротив и даже не подумавший изменить свою расслабленную позу, махнул ему рукой, призывая сесть на место. Было яснее ясного: мальчишка, оказавшийся самым старшим по званию в этой конуре, потерял голову. Взвинченный, до смерти усталый, он бросал своему товарищу резкие, оскорбительные, неразборчивые слова, и тот отвечал ему столь же резко, отрывисто и неразборчиво, продолжая настойчиво призывать жестом вернуться за стол.

Опытный старшина-англичанин сообщил своему собеседнику — впрочем, не слишком громко, почти беззвучно, — что у капитана Маккензи, похоже, очередной панический припадок. Старый вояка чувствовал, как в его по-матерински жалостливом сердце, болевшем за каждого из двух тысяч девятист девяноста четырех доверенных ему новобранцев, нарастает утомительная потребность взять под крыло еще и этого

перепуганного мальчишку. Поэтому он снова обратился к канадцу и сообщил, на этот раз громче, что капитан Маккензи, временно ополоумевший, вообще-то лучший офицер в армии Его Величества, но теперь отчего-то решил выставить себя полным идиотом. Лучший офицер. Не один из, а самый-самый. Исполнительный, умный, героически храбрый. Чуткий к бойцам на передовой. Вы не поверите... Отчески опекать старшего по званию оказалось хлопотным делом. Начни чудить какой-нибудь младший капрал или сержантик, достаточно было пары внушительных фраз, процеженных из-под усов. С офицером же приходилось довольствоваться намеками, а это задачка посложнее. Слава богу, второй капитан был человеком надежным и сдержанным, как говорится, старой закалки.

Повисла гробовая тишина, в которой с оглушительной четкостью прозвучал голос посыльного из Ронды:

— Потеряли... Их-то...

Через дверной проем были видны яркие отблески на коньке барака.

— Ну вот зачем? — заныл его приятель из Понтардилайса. — Какого рожна эти чертовы прожекторы на нас светят? Чтобы сюда все самолеты со своими адскими бомбами слетелись? Убирались бы лучше куда подальше — я еще, черт возьми, не прочь погреть свою задницу на пляжах Мамблза.

— Эй, «Ноль-девять» Морган, поменьше сквернословия, — осадил его старшина.

— Да говорю тебе, земля, — встрял в разговор посыльный из Ронды, — совсем, видно, дурная коро-венка-то... Голштинка черно-белая...

Как видно, устав от этой болтовни, молодой капитан уперся обеими руками в стол, накрытый одеялом вместо скатерти, и воскликнул:

— Кто вы, черт возьми, такой, чтобы отдавать мне приказы? Я выше вас по званию! Кто вы, черт возьми? Кто? Ни один из вас не может мне приказывать.

У него пресекся голос. Он почувствовал, что ноздри чрезмерно раздулись — настолько, что втягиваемый в легкие воздух не успевал согреваться. Ему помешало, что против него плетут какой-то заговор. И закричал:

— Вы и ваш... продажный генерал!

Ему нестерпимо хотелось выхватить припасенный остро заточенный окопный нож и распороть пару глоток. Это помогло бы немного облегчить тяжесть в груди. Однако непререкаемое «Сядьте!», произнесенное массивной фигурой, возникшей напротив, парализовало его. Накатила волна неистовой злобы. Если бы только удалось пошевелиться и достать нож.

— Паскуду эту, которая мою прачечную увела, Уильямсом звать, — не унимался «Ноль-девять» Морган. — Окажись это Эванс Уильямс из Кастрл-Коха, с места не сойти, дезертирую.

— Взъярилась на родную кровиночку, — гнул свое парень из Ронды. — Нет, ты погляди...

К разговору офицеров посыльные не прислушивались. Начальственные дела мало их интересовали. То ли дело корова, невзлюбившая собственного теленка. И ведь с чего бы? В горах за Карфилли? Осенью по утрам на тамошних склонах паутинки, покрытые росой, сияли на солнце, что твоя стеклянная пряжа. А буренку ту, поди, просто недоглядели.

Юный капитан, наклонившись над столом, завел долгий спор о старшинстве в военной иерархии, попеременно принимая противоположные стороны и борючись аргументы сбивчивой скороговоркой. Сам он получил офицерское звание в четырнадцатом году после битвы при Гелувельте. А тот другой, который вздумал ему приказывать, — только год спустя. Конечно, тот был постоянным командиром в здешней учебке, а его самого отправили сюда только ради пайка и дисциплины. Но это не давало тому права распоряжаться. Что, черт возьми, он о себе возомнил? Распа-

лившись, молодой капитан заговорил еще быстрее и сбивчивее о каком-то круге, который вот-вот замкнется из-за распада атома, и о конце мира. Когда сменится тысячелетие, не останется никого, чтобы отдавать и выполнять приказы. Но до тех пор он, разумеется, будет приказам подчиняться, как велит присяга.

Его старший товарищ едва слушал эти излияния. На него тяжким бременем давило командование частью непомерных размеров с разношерстным штабом, набитым бестолковыми, постоянно меняющимися младшими офицерами, с сержантским составом, отлынивающим от любой работы, с рядовыми, почти поголовно набранными в колониях и не привыкшими довольствоваться скудным пайком, и с учебкой, из которой теоретически можно было черпать ресурсы, если бы не упорное сопротивление всех причастных, основанное на твердой уверенности, что право на это есть только у регулярных войск. В общем, служебных трудностей было предостаточно, а тут еще и личные дела требовали внимания. Ведь он, капитан Тидженс, только недавно выписался из госпиталя и не успел обзавестись хозяйством. В бараке, обтянутом брезентом, где он временно размещался, пока хозяин, начальник медицинской службы учебки, проводил положенный отпуск в Англии, от керосинового обогревателя стояла удушающая жара, а стоило его выключить, холод и сырость пробирали до костей. Денщик, оставленный приглядывать за баракком, оказался недоумком. Воздушные налеты германской армии не давали продыху. Людей на базе скопилось, как сардин в банке. В город выйти невозможно. Подразделения, отвечающие за набор рекрутов, получили приказ как можно меньше мозолить глаза. Новобранцев разрешали отправлять только по ночам. Но как это провернуть, если не реже десяти минут налетали вражеские самолеты, после чего по два часа приходилось сидеть без света? Каж-

дому новобранцу полагалось иметь по девять комплектов жетонов и бумаги, подписанные офицером. И все эти чертовы правила были правильными, вот только как соблюсти их на деле? Той ночью капитану предстояло отправить две тысячи девятьсот девяносто четыре человека. Умножаем это число на девять и получаем двадцать шесть тысяч девятьсот сорок шесть. Станок для штамповки жетонов ему никто не предоставит — нечего и мечтать. Но как тогда оружейнику из учебки, помимо обычной работы, успеть наклепать еще пять тысяч девятьсот восемьдесят восемь дополнительных солдатских жетонов?

Юный капитан продолжал свой бессвязный монолог. Его болтовня про круг, который вот-вот замкнется, и грядущую смену тысячелетий тревожила Тидженса. Любой, у кого есть хоть капля здравого смысла, насторожится, услышав такое, ведь это верный признак подступающего опасного помешательства. Тидженс почти ничего не знал про этого спятившего юнца. Если судить по внешности, для хорошего кадрового офицера тот был слишком смугл, смазлив и, похоже, неуравновешен. Однако орден «За выдающиеся заслуги» с одной планкой, Военный крест и иностранные наградные ленты говорили об обратном. Лестно о нем отзывался и генерал Кэмптон, зачем-то особо отметив, что парень имеет учрежденную вице-канцлером премию за знание латыни. Интересно, а генерал сам-то понимал, за что дается эта премия и что представляет собой ее лауреат? Скорее всего, нет. Похоже, он присовокупил эти сведения к своей записке из тех же соображений, по которым вожди дикарей нацепляют на себя блестящие побрякушки. Хотел показать, что он, генерал лорд Эдвард Кэмптон, человек, не чуждый учености и культуры. Воистину, людское тщеславию не знает границ.

Получалось, что, несмотря на свою смуглость и смазливость, парень все же был хорошим офицером.

По-видимому, в этом противоречии и заключалась разгадка. Страсть, когда ее долго приходится сдерживать, сводит с ума. С 1914 года он, должно быть, неизменно демонстрировал рассудительность, соблюдал дисциплину, терпеливо сносил тяготы, подавлял все неуставные побуждения — и это на фоне всеобщего хаоса, адского огня, крови, грязи и пустых жестянок. Образ юноши, словно на эскизе для парадного портрета, предстал перед внутренним взором Тидженса — с широко расставленными ногами, на фоне задника цвета алого огня и еще более алой крови. Капитан тихонько вздохнул. Миллионы людей не выбирали для себя такой жизни, но вынужденно ею жили.

Взять хотя бы те две тысячи девятьсот девяносто четыре новобранца, которые находились под его командованием последние пару месяцев — немалый срок по нынешним меркам. Вместе со старшим сержантом Коули он чутко приглядывал за ними, их боевым духом, следил за мозолями, пищеварением, сдерживал растущее нетерпение и жажду женского общества. Тидженс представил, как солдаты маршируют колонной, растягиваясь и извиваясь змеей по огромной равнине — голова уже нырнула за горизонт. Так огромная рептилия в зоопарке, медленно скользя, уходит под водную гладь пруда, опускается ниже и ниже, пока не достигнет незримого, но непреодолимого барьера, простирающегося от глубин земли до вершин неба.

Навалилось мучительное уныние. Неразберихе, тупости и кровопролитию нет конца. Всех этих людей отдали в руки самым циничным и безответственным интриганам, строящим в длинных коридорах тайные планы, от которых потом обливаются кровью сердца по всему миру. В их руках все эти люди просто игрушки, а муки, переносимые ими, не более чем повод для политиков поупражняться в красноречии, лишенном не только души, но и ума. Сотни тысяч человек рассеяны по мерзкой бескрайней зимней слякоти. Как

орехи, раскиданные пустоголовыми сороками. Но ведь это живые люди, а не «население». Люди, о которых надо заботиться, — каждый с костями, коленями, штанами, подтяжками, винтовкой, домом, страстями, внебрачными связями, пьянством, приятелями, картиной мира, мозолями, наследственными болезнями, знакомым бакалейщиком и молочницей, любимым газетным киоском, непутевыми детьми, гулящей женой. Рядовые и сержанты. И несчастные младшие офицеры. Да поможет им бог, всем этим лауреатам университетских премий за хорошее знание латыни.

Что касалось конкретного лауреата, торчавшего перед Тидженсом, похоже, он не выносил шума, поэтому всем присутствовавшим приходилось соблюдать тишину.

И это, видит бог, было справедливо. Как-никак здесь тихо и методично подготавливалось мясо для бойни. Новобранцы! Им стоило бы размышлять, а еще лучше молиться и строчить домой последние весточки про то, как «жутко бухают пушки».

В здешний крохотный городок и его окрестности согнали полтора миллиона человек, как будто бросили тухлятинки в крысиный угол. Немецкие самолеты чуяли их за сотню миль и могли бы нанести больший урон, чем разбомбив четверть Лондона. На противовоздушную оборону особой надежды не было. Ее организация походила на злую шутку. Лупили наугад чем попало, как школьники, забрасывающие камнями барахтающихся в воде крыс. Вокруг штаба ситуация обстояла чуть получше, но в целом было вообще не смешно.

Хандра навалилась сильнее. Недоверие к лондонскому кабинету министров, охватившее большую часть здешней армии, ощущалось сродни физической боли. Невыносимо было думать, что все эти непомерные жертвы и бескрайние нравственные мучения служили исключительно удовлетворению мелкого личного тщес-

славия людей, которые на фоне охваченных войной территорий и сходящихся на них сил казались сущими пигмеями. В отличие от этих равнодушных политика-нов капитан жил заботами и тревогами промокших миллионов в грязно-коричневой форме. Они могли умереть, пасть в бою, погибнуть в завалах, не проявив при этом ни молодецкой лихости, ни уверенности в правом деле, ни парадного блеска, но только сжав челюсти и нахмутив брови.

Надо было признать: Тидженс ровным счетом ничего не знал о стоящем перед ним молодом офицере. А тот внезапно замолк, вероятно, ожидая ответа на свой вопрос. О чем он спрашивал? Тидженс понятия не имел, потому что давно перестал слушать. В канцелярии повисла гнетущая тишина. Все ждали.

— Ну, и что вы на это скажете, хотел бы я знать? — потребовал парень с ненавистью в голосе.

Размышления Тидженса текли своим чередом. Существует много разных видов помешательства. Интересно, какое у него? Не алкогольное точно. Парнишка был трезв, хотя и бормотал, как пропойца. Приказав ему сесть, Тидженс действовал наугад, понадеявшись, что молодой офицер из тех сумасшедших, чье подсознание мгновенно, как по волшебству, реагирует на воинский приказ. Он помнил, как еще в Англии однажды рывкнул «Кругом!» ополоумевшему солдатику, несущемуся мимо его палатки со штыком наперевес. Преследователи, гнавшиеся за ним, были меньше чем в полусотне метров, однако, едва услышав команду, беглец резко затормозил и развернулся лицом к офицеру, щелкнув каблуками, как гвардеец. За неимением лучшего Тидженс решил повторить этот трюк на своем свихнувшемся товарище. Не сработало.

— О чем вы? — рискнул уточнить он.

— Вижу, ваше высокомерное благородие не соизволило меня слушать, — едко процедил капитан Маккензи. — Я спрашивал про моего скотского дядюш-